УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЕ НОВАЦИИ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Л.А. ГОГОТИШВИЛИ (ВЯЧ. ИВАНОВ И А.Ф. ЛОСЕВ)

© 2019 г. С.В. Федотова

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 24 января 2019 г.

Дата публикации: 25 июня 2019 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-2-252-273

Аннотация: В статье рассматриваются лингвофилософские новации Вяч. Иванова и А.Ф. Лосева в интерпретации Л.А. Гоготышвили, направленной на выявление глубинных связей между двумя теоретиками символа, мифа и языка. Анализируется концептуальный подход интерпретатора, применяемые им методы и приемы. Выявляется логика и последовательность построения интерпретаций, их характер, оригинальность и значимость для понимания своеобразия и символизма Иванова, и философии Лосева в контексте дискуссий о рациональном и поэтическом постижении и выражении смысла. Значительный вклад Гоготышвили в изучение русского символизма и примыкающего к нему имяславия обусловлен пониманием ею проблематики философии языка, интеллектуальных «техник», применяемых Лосевым. Это способствовало выработке собственных концептуальных подходов к решению проблемы рецепции символизма Иванова и творчества Лосева. Логика Гоготышвили в изучении символизма шла от характеристики религиозного статуса языка в имяславии, его коммуникативной и предикативной интерпретации, к рассмотрению предикативной концепции символа у Вяч. Иванова, а дальше — опять к Лосеву. В результате выводы об общих чертах новаций Иванова и Лосева изменились.

Ключевые слова: Гоготышвили, Вяч. Иванов, Лосев, С. Булгаков, Флоренский, Гуссерль, Хайдеггер, символизм, имяславие, символ, миф, антиномизм, субъект, предикат, референция, феноменология, философия языка, теоретическая поэтика.

Информация об авторе: Светлана Владимировна Федотова — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: 0000-0002-9991-4966

E-mail: lucia-th@yandex.ru

Для цитирования: Федотова С.В. Лингвофилософские новации русского символизма в интерпретации Л.А. Гоготышвили (Вяч. Иванов и А.Ф. Лосев) // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 2. С. 252–273.
DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-2-252-273

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

LINGUO-PHILOSOPHICAL NOVATIONS
OF RUSSIAN SYMBOLISM
IN THE INTERPRETATION
OF L.A. GOGOTISHVILI
(VYACH. IVANOV AND A.F LOSEV)

© 2019, S.V. Fedotova

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: January 24, 2019

Date of publication: June 25, 2019

Abstract: The article discusses the linguo-philosophical novations of Vyach. Ivanov and A.F. Losev in the interpretation of L.A. Gogotishvili, aimed to identify the underlying connections between the two theorists of symbol, myth, and language. It analyzes conceptual approach of the interpreter including the methods and techniques she used. The paper reveals likewise the logic and sequence of the ways these interpretations have been constructed, as well as their nature, originality, and scholarly importance. Gogotishvili's research contribution to the study of Russian symbolism and onomatodoxy, with its doctrine of language, consists in her seminal understanding of their philosophy of language, as well as of the intellectual "techniques" used by Losev. This understanding helped Gogotishvili to develop her own theoretical approaches to the problem of reception of Ivanov's symbolism and Losev's work. In her study of symbolism, Gogotishvili moved from describing the religious status of language in onomatodoxy as well as , its communicative and predicative interpretations, to examining the predicative concept of symbol in Vyach. Ivanov, and then returning to Losev. As a result, here conclusions concerning general features of Ivanov's and Losev's novations have undergone some important changes.

Keywords: Gogotishvili, Vyach. Ivanov, Losev, S. Bulgakov, Florensky, Husserl, Heidegger, symbolism, name-worship, symbol, myth, antinomism, subject, predicate, reference, phenomenology, philosophy of language, theoretical poetics.

Information about the author: Svetlana V. Fedotova, DSc in Philology, Leading Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, Moscow 121069, Russia. ORCID ID: 0000-0002-9991-4966

E-mail: lucia-th@yandex.ru

For citation: Fedotova S.V. Linguo-philosophical Novations of Russian Symbolism in the Interpretation of L.A. Gogotishvili (Vyach. Ivanov and A.F Losev). *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no 2, pp. 252–273. (In Russ.)
DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-2-252-273

В 2002 г. А.А. Тахо-Годи высказала мысль о том, что исследование «значения символизма, в том числе Вяч. Иванова, для творчества А.Ф. Лосева — дело будущего». Найдется же когда-нибудь «ученый, который не только перечислит некоторые факты из биографий А.Ф. Лосева и Вяч. Иванова, но исследует глубинные взаимоотношения этих символистов, ученых филологов и мифологов» [13, с. 272; 280]. На наш взгляд, одним из таких исследователей, вплотную подошедших к решению поставленной проблемы, была Людмила Арчиловна Гоготишвили (1954–2018), которая всю жизнь занималась символизмом, самобытным русским религиозно-философским и поэтическим течением, зачинателем которого был Вяч. Иванов, а завершителем — А.Ф. Лосев. Символизм рассматривался ею на фоне острых дискуссий начала прошлого века о языке и сознании, о смысле и формах его выражения в контексте развития европейской философии (феноменологии и неокантианства), а также соловьевской традиции отечественной мысли. Глубокий исследователь оригинальных концепций Вяч. Иванова, А.Ф. Лосева (а также других «имяславцев», С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского) и М.М. Бахтина, она была убеждена в том, что русский символизм интересен не только своей всеохватной тематикой, универсализмом и поиском синтетического мировоззрения. Сегодня особую значимость приобретают не столько тематические аспекты символизма, сколько выработанные в его лоне интеллектуальные (и операциональные) «техники», которые требуют адекватной рецепции и могут найти применение в современной гуманитарной мысли [5, с. 148]. Последовательно решая эту задачу и описывая различные символистские версии философии языка, Гоготишвили предпочитала жанр «реконструкций» и «интерпретаций», который дает возможность создавать концептуальные трактовки.

Для внимательного читателя ясно, что феноменологическое созерцание «одного» на фоне «иного», дополненное логико-диалектической экспликацией их контрастирующих и типологически общих параметров, — это стратегия мысли, воспринятая исследовательницей от ее постоянных «героев», Лосева и Бахтина¹, и смело развиваемая дальше, с привлечением инструментария современной лингвистики. В этом смысле Гоготишвили можно назвать *неолосевианкой* и *необахтининкой*, а в целом — *неогуссерлианкой* (что отчетливо прослеживается не только в статьях, посвященных отдельным представителям символизма, но и в фундаментальном теоретическом трактате «К феноменологии непрямого говорения» [9]). Нас же в первую очередь интересует сквозная идея рецепции символизма Иванова «постсимволистами» Лосевым и Бахтиным, которых объединяло «глубинное сходство, обусловленное общим символистским генезисом присущей им техники интеллектуального конструирования» [7, с. 356]. В рамках нашей темы остановимся только на одной сюжетной линии — «Иванов — Лосев», причем сразу оговорим, что в центре внимания будут интерпретации Гоготишвили как некий метатекст, без их оценки и сопоставления с другими концепциями² (последнее требует отдельного рассмотрения).

Оригинальность подхода Гоготишвили заявлена уже в работах 1990-х гг., где философия имени Лосева рассматривается не только в со- и противопоставлении с другими имяславческими концепциями, но и само это течение русской мысли вписывается в контекст философских дискуссий и теоретических споров в лингвистике XX в.³ В этих работах «ивановская» компонента идет пока «в фоновом режиме» в качестве обыгрываемых всеми имяславцами базовых категорий ивановской теории — символа и мифа. Но постепенно Гоготишвили приближается к «монографическому» рассмотрению идей Иванова и тем самым все ближе и ближе подходит к задаче выявления его роли в становлении философии языка Лосева. В этом плане наибольший интерес представляют для нас две работы, тесно взаимосвязанные по тематике, — «Лингвистический аспект трех версий имяславия

1 О Лосеве у Гоготишвили около 30 работ, о Бахтине — более 20. От бахтиноведческих работ мы вынуждены отвлечься.

2 См. обзор работ по теме «Лосев и Вяч. Иванов» в: [12, с. 970–971].

3 Ср.: «Не только персонализм, но и экзистенциализм, и семиотика, и лингвистическая философия, и структурализм, и герменевтика, и все многообразные варианты философии общения — все это имеет свои аналоги в русском серебряном веке» [2, с. 577].

(Лосев, Булгаков, Флоренский)» (1997) [3] и «Лосевская концепция предикативности» (1999) [4]. В них можно увидеть концептуальный «пролог» к статье «Между именем и предикатом (символизм Вяч. Иванова на фоне имяславия)» (1999) [6].

Надо сказать, что их взаимосвязь, которая демонстрирует совершенно новый подход к интересующей нас проблематике, не то что не рассматривается, а даже, кажется, не предполагается ни в лосевских, ни в ивановских научных кругах. И на это есть свои причины. Во-первых, оригинальность этих работ, по-видимому, до сих пор осталась неотрефлексированной⁴. Во-вторых, именно сопоставительный ракурс лингвофилософских новаций Иванова и Лосева в интерпретации Гоготишвили вызывает определенную сложность. Действительно, у нее трудно найти эксплицитно проведенное сопоставление этих фигур, локализованное в одном «месте», с объяснением существующих между ними различий при неизменно подчеркиваемой общности.

Так, в названной статье об Иванове его символизм соотносится прежде всего с имяславием в версии С.Н. Булгакова и, точно, П.А. Флоренского. Лосев «присозерцается» в характеристике имяславческих идей в целом, не выдвигаясь на авансцену в качестве открытого «оппонента» поэта-теоретика. Обосновано это убедительно — реальным неучастием Лосева (в силу возраста) в основополагающих философско-религиозных дискуссиях Серебряного века. Однако нельзя не заметить, что его отношение к мэтру символизма почти растворяется в реконструируемом сюжете скрытых контроверз между имяславцами и Ивановым по поводу базовых для них категорий — имени, символа и мифа.

Аналогичную ситуацию встречаем в работе «“Эйдетический язык” (реконструкция и интерпретация радикальной феноменологической новации А.Ф. Лосева)» [6]. В ней гораздо больше материала для выявления искомых «глубинных связей»: символизм Иванова инкорпорируется в лосевскую лингвофилософскую модель с некоторыми важными оговорками. Однако хотя отличия и обозначены, их содержательное наполнение

4 Ср., например, достаточно курьезное упоминание о «контрастных замечаниях в отношении Лосева у Ларисы (sic!) Гоготишвили» в статье с аналогичной тематикой, в сноске с перечнем всех ее «лосевских» работ 1990-х гг. [10, с. 110]. Причем ударная работа «Лосевская концепция предикативности» не учитывается вообще.

приходится реконструировать по предшествующим статьям Гоготишвили, а также по подразумеваемому более широкому контрастирующему фону (что косвенно, в частности, подтверждается противопоставлением Лосева и Хайдеггера, с одной стороны, и неожиданным сближением последнего с Ивановым — с другой). Эта опосредованная оппозиция создает интригующее напряжение в достаточно беспроblemном, казалось бы, сюжете, который был иницирован известными высказываниями философа о поэте-символисте⁵.

Завершая вводную часть, приходится признать, что перед нами — непростая задача. Сопоставить языковые новации Вяч. Иванова и Лосева в интерпретации Гоготишвили — значит выявить ход ее мысли, концептуальную сеть, параллельные выводы, «рассредоточенные» по разным статьям, плотно насыщенным философско-лингвистической терминологией, модифицирующейся в зависимости от избранных методов. Но, проследив за тем, как Гоготишвили развертывала свою трактовку «глубинных взаимоотношений» между «учителем» и «учеником», можно оценить оригинальность ее подхода и к Лосеву, и к Иванову. Это давно уже пора сделать, хотя бы в первом приближении.

Концептуальный «пролог»

В статье «Лингвистический аспект трех версий имяславия» обращает на себя внимание «ориентировочная, как бы по нисходящей, сопоставительная схема». Она отражает индивидуальные версии философии имени на фоне фундаментального сходства единой имяславской установки: язык — это «топос» энергийного общения Бога и человека. Иными словами, имяславцы признавали сферу «платоновских идей» (т. е. всех априорных форм разума и интуиции, всего универсального в сознании) «как место, как результат или как следствие того соприкосновения Божественного и тварного миров (Бога и человека), которое мыслится при этом как энергетическое (а не субстанциальное)». Принципиально объединяет всех имяславцев также видение «точки касания двух миров» как сферы, так или иначе связан-

⁵ См., например: «У Иванова такая философия, которая в то же самое время и есть умозрение, видение мира в целом. Мир в целом!.. Конечно, это в конце концов тоже поэзия, но такая, которая неотделима от философии, неотделима от религии, неотделима от исторического развития человека. Именно поэтому я целую жизнь являюсь сторонником Вячеслава Иванова, являюсь его учеником...» [12, с. 722].

ной с *языком*. «Различия в понимании степени и форм этой связи — на фоне общности самого признания таковой» — и представляют, по Гоготишвили, наибольший интерес [3, с. 581].

Обоснование этой нисходящей иерархии схемы (Лосев — Булгаков — Флоренский) строится вокруг основных антиномий имяславской концепции, так или иначе перекликающихся с самыми жаркими спорами в философии языка, теоретической поэтике и лингвистике XX в. Само имяславие раньше уже было проинтерпретировано Гоготишвили как «коммуникативная версия исихазма» (или христианского платонизма) [1; 2].

Смысловой узел завязывается вокруг сложной «проблемы соотношения христианства и пантеизма (“дан” ли Творец в своем творении, если “дан”, то как и т. д.)» [3, с. 585]. В интересующем Гоготишвили лингвистическом аспекте эта проблема предстает как соотношение мистического опыта и языка. Каким образом трансцендентное входит в имманентное? В какой степени язык определяет встречу двух планов? Является ли она языковой, до-языковой или вне-языковой? В какой форме Бог является сознанию человека — в виде «первослова» (имени) или в виде «образа» (лика) или как-то иначе? Перед нами модификация древнейшей проблемы: возможно ли адекватно выразить невыразимое и описать неопишемое. Над ее решением бились и античные философы, и христианские богословы, признававшие возможность антиномического описания непостижимого Бога, и новоевропейская философия (гносеологические антиномии Канта), и поэзия символического (религиозно-мистического) типа всех времен.

В контексте рассмотрения лингвистического потенциала имяславческой доктрины она заостряется в проблему онтологического статуса языка в целом. Концептуально она уточняется в двух основных моментах: 1) «где» рождается язык и 2) «как» он модифицируется при взаимодействии апофатического трансцендентного начала со сферой имманентного сознания, т. е. «чистым смыслом» («универсальной семантикой») и семантикой и синтаксисом «естественного» языка, со всей его чувственной плотью в целом. Именно здесь находятся смыслообразительные нюансы, определяющие иерархию в схеме.

Так, позиция Лосева объясняется тем, что он вводит «ономатическое начало в саму Первосущность, до и вне тварного мира» (Сверх-первослово, «Сверх-умное имя», «самоименование Первосущности»); у Булгакова

«рождение» языка онтологически «фиксируется» в самой этой «пограничной» точке, в момент появления тварности («первослова»); у Флоренского — имя появляется непосредственно вслед за созерцанием Лица (образа) [3, с. 582].

Разработанная и прокомментированная Гоготишвили иерархическая схема задает тот фон, на котором будет рассматриваться лингвофилософская новация Вяч. Иванова. А так как его «реалистический символизм», его символично-мифологическая теория и поэтическая практика в целом воспринимались имяславцами как близкие по духу, логично было бы предположить, что «место» Иванову, с его «дионисийством», в этой схеме зарезервировано заранее — на четвертой ступени, после Флоренского, т. е. на максимально отдаленной от Лосева позиции. Однако дело обстоит не так просто.

Гоготишвили постулирует парадоксальную *«обратную зависимость»* между степенью расширения онтологической сферы языка и пониманием его способности к адекватному выражению (изображению) бытия. Чем шире понимается сфера природно языковых явлений, чем ближе ее граница к Первосущности и, соответственно, чем выше онтологический статус языка — тем менее способным к адекватному воплощению предмета речи он оценивается» [3, с. 604]. Иначе говоря, крайние позиции в схеме объясняются тем, что Лосев снижал компетенции естественного языка, ввиду его принадлежности к чувственно-материальной стихии, а Флоренский, наоборот, повышал, допуская, что для именования мистически созерцаемых лиц вполне подходит семантика, закрепленная в системе языка⁶. Эта «обратная зависимость» сыграет свою роль и при рассмотрении символизма Иванова.

Лосев: предикативная концепция имени

Такой же перспективной для дальнейшего сопоставления оказывается предлагаемая Гоготишвили предикативная концепция имяславия. Суть ее заключается в «принципе многоступенчатой символизации в языке, в котором платоническая *эманация* трансформируется в идею многоступен-

6 «Язык <...> и у Флоренского составляет весомую, почти онтологическую константу мира, но — мира тварного, причем в его данном ("падшем"), мистически не преображенном состоянии: "...преобразившие свое лицо в лик возвещают тайны мира невидимого без слов, самим своим видом..."» [3, с. 605]. Отметим, что позднее Гоготишвили значительно углубила представления о философии языка Флоренского [8].

чатой предикации; принципе субъект-предикативного расщепления всех смысловых образований, в том числе слов» [3, с. 586]. Соотношение символизации и предикации — очень важный момент в оригинальной интерпретации лингвофилософских новаций и Лосева, и Иванова в феноменологическом ключе.

В приведенной схеме, по существу, уже заложена лингвофилософская новация Лосева, которая, с легкой руки Гоготишвили, получит в дальнейшем название «эйдетического языка». Лосев мыслил два онтологически различных (по уровню и компетенциям) языка, утверждает интерпретатор: онтологический («эйдетический») язык Первосущности («Сверх-первослова» и «Первослова») и «естественный» язык как «вторичное» по отношению к первому «техническое средство», принципиально не имеющее «реального выхода в мир сущностей» [3, с. 609, 593]. Они связаны между собой только самим принципом «языковости» как таковой, понятым по аналогии с логической субъект-предикативной структурой высказывания, которая, в свою очередь, есть лингвистическая параллель к диалектике сущности и энергии. Как это понять?

«Первослова», т. е. собственно имена, являющиеся, согласно имяславскому пониманию, «свернутыми предложениями», исходящими от Первосущности, реально «входят» в сознание человека только своей предиктирующей частью, в то время как их «субъектная» основа, как и сама апофатическая Сущность, остается для него вне пределов досягаемости. Но это не кантовский агностицизм, не «вещь-в-себе». «Субъектная» часть «первослова» понимается человеком как подразумеваемый, пусть даже семантически не выраженный, смысл, передаваемый человеку Первосущностью [3, с. 586]. Иначе говоря, понимается коммуникативно (по прагматике) и символически (по выражению). Таким образом, предикативность в имяславии Лосева является синонимом категорий понимания и интерпретации энергично явленного сознанию смысла «предмета», его идеи (эйдоса), схватываемой интуитивно как нечто «одно» (так что его можно назвать, дать имя). В более поздней работе Гоготишвили скажет даже, что *имяславие* превращается у Лосева в *предикатославие*, что у него вообще нет имен, а есть только предикаты к сущности, или ее самопредикаты.

Предикативной концепции Лосева Гоготишвили посвятит отдельную статью. Интересно, что она создавалась параллельно с «ивановской» (и вы-

шла с ней в один год). В ней Иванов не упоминается, однако подразумевается, в том смысле, что оба «героя» попадают в единое концептуальное поле и к их концепциям применяется один и тот же методологический ключ: субъект-предикативный логический анализ и теория референции.

«Референция» выступает здесь аналогом «точки касания» двух миров, находящейся в средоточии споров о соотношении мистического опыта, сознания и языка. На тот момент она оказалась наиболее подходящей для «адаптации и символизма Иванова, и имяславия к современной теоретической лингвистике» [6, с. 594]. Внимание к предикативной технике говорит о постепенном сдвиге Гоготишвили к феноменологии Гуссерля. Привлекая узнаваемо ивановские термины⁷, исследовательница прямо скажет в более поздней работе: «...предикат всегда есть то, *что* или *как* говорится, а не то, *о чем* говорится»; «прототип предикативного акта» в концепциях Иванова и Лосева «один и тот же — феноменологический» [6, с. 519–520].

Отвлекаясь от всех тонкостей анализа лосевской концепции предикативности, отметим важные для нас моменты. Прежде всего, Гоготишвили развивает заявленную раньше идею о наличии у Лосева двух языков разного онтологического статуса: «чистого смысла» и обычного языка. К первому уровню по-лосевски понимаемой предикации относится *эйдетика* и *логос*, ко второму — насыщенная языковой плотью и чувственной конкретикой «естественная речь»» [4, с. 684]⁸. На каждом из них смысл является по-разному: на уровне эйдетики — в качестве имен-предикатов первого порядка (самопредикаты сущности), на уровне логоса (логики) — в виде смыслового развертывания имени в миф по типу логического суждения (т. е. предикатов второго порядка)⁹. Естественному языку, как уже говорилось, доступно

7 Ср. одно из известных ивановских высказываний на тему ЧТО и КАК, к которым неоднократно прибегает Гоготишвили: «Через <...> художественное КАК мы узнаем и ЧТО он <художник> увидел в мире. Отношения между ЧТО и КАК в науке обратны: она всегда обобщает некоторое ЧТО, но это ЧТО никогда не относится к субстанциональному ЧТО вещей, а исключительно к их модальному КАК» [9, т. 3, с. 665].

8 Как известно, у Лосева в «Философии имени» выведено 67 моментов энергийного становления сущности. По Гоготишвили, Лосев остается совершенно закрытым для понимания, если игнорировать его феноменолого-диалектические интеллектуальные техники. Его философия языка не «припудрена терминологией диалектики» [10, с. 152], а фундируется диалектикой, восходящей, главным образом, к неоплатоникам.

9 При этом теория предикации не навязывается Лосеву «со стороны». Гоготишвили опирается на позднюю работу философа «О типах грамматического предложения в связи с историей мышления» [11], в которой обосновываются различия между логическими и

лишь меональное (искаженное) понимание смысла (здесь представлены предикаты третьего, четвертого и т. д. порядка).

Из постулируемой двухуровневой системы языка логично вытекает еще один момент — двойственный статус мифа у Лосева, по-разному понимаемый на разных уровнях сознания. С одной стороны, миф как развертывание имени «в своей сущностной словесной структуре аналогичен именно диалектике (а не логосу или «естественной» речи) [4, с. 689]. Это значит, что сущность на уровне эйдетического созерцания является (преддицируется) как диалектическое единство противоположностей, т. е. антиномически, через логику противоречий, разрешаемых синтезом, или — на языке лингвистики — через семантику антиномий, выстроенную по определенным законам [4, с. 695]. С другой стороны, миф как словесная формула приближен к естественному языку. Согласно Гоготишвили, вопрос трансформации мифа при переходе с одного уровня сознания на другой — это «самая сложная проблема» философии языка Лосева [4, с. 689].

Речь идет, таким образом, об антиномизме как центральном стержне лосевской системы, созвучной в этом плане острым дискуссиям об антиномиях бытия и мышления в эпоху Серебряного века (и уходящей дальше — вглубь апофатической проблематики). А ближе к нашей теме — созвучной Вяч. Иванову, лингвофилософская новация которого будет обоснована Гоготишвили именно как антиномический принцип его поэзии.

Постулирование двойственности лосевского видения соотношения мифа и языка (его разными уровнями) приводит к выводу о том, что Лосев по-своему сформулировал и решил проблему, поднятую в символизме, — «проблему своего рода “эйдетизации” в мифе предикативного акта, т. е. проблему “скрещения” первого и второго уровней лосевской предикативности» [4, с. 701]. Обратим внимание на слово «скрещение», которое будет ключевым в описании лингвофилософской новации Иванова.

В целом, Гоготишвили сосредоточена на проблеме взаимоотношения «эйдетического» и «естественного» языков, а также — и это важно! — роли

грамматическими категориями (в том числе понятиями субъекта и предиката). В частности, интерпретатор акцентирует внимание на том, что для Лосева логические суждения суть «онтологически обоснованное саморазвертывание смысла». Логика занимается «выявлением обоснованных и инвариантных форм перехода от одного смысла к другому», естественная же речь (грамматика) наполнена ситуативным содержанием, не имеющим инвариантного логического значения [4, с. 690–691].

логоса (логики) как посредника между ними. Вспомним схему, визуализирующую «обратную зависимость» между степенью расширения онтологической сферы языка и его способностью к адекватному выражению (изображению) бытия, и получим готовую концептуальную сетку, в которую Гогтишвили «уловляет» феномен ивановского символизма.

Вяч. Иванов: предикативная концепция символа

В статье «Между именем и предикатом (символизм Вячеслава Иванова на фоне имяславия)» высвечиваются напряженные — и потенциально богатые для дискуссионного оттачивания собственных идей — отношения между Вяч. Ивановым и имяславцами (прежде всего С.Н. Булгаковым и П.А. Флоренским, как уже говорилось, Лосев из спора формально исключен, хотя его предикативная концепция присутствует в статье в качестве «диалогического фона»).

Признание оригинальности — и в то же время созвучности — обеих сравниваемых концепций создает общее концептуальное поле, предполагающее «выдвижение на авансцену предикативности в рамках принципиально ориентированных на референцию» подходов. И символизм, и имяславие поставили задачу радикально пересмотреть рационалистические представления о статике (номинативности) и динамике (процессуальности) языка. «Лингвистический пафос» и «апология референции», «в ее предельно расширенном, вбирающем в себя предикативность смысле», составляют, по Гогтишвили «общую основу лингвофилософских стратегий символизма и имяславия» [6, с. 25, 40].

На этом фоне рассматриваются различия в предлагаемых способах прорыва в «высшую сферу» с помощью языка, с опорой на выработанные критерии анализа: иерархический подход к пониманию онтологического статуса и уровней языка, а также природы мистического опыта и его выражения в языке, символе и мифе. «Камнем преткновения» является соотношение имени и символа в обеих концепциях и, как следствие, трудности в «локализации» мифа.

На основе ряда высказываний Иванова, в которых имя и символ отчетливо противопоставлены¹⁰, автор фиксирует «демаркационную линию».

¹⁰ «Романтик называет по имени тени своих мертвецов, которые он тревожит в их могилах. Мы же вызываем неведомых духов. Символы наши — не имена, они — наше молчание.

Если имяславцы исходили из того, что имя-символ может референцировать трансцендентный смысл, то поэт отказывал имени в этой способности, признавая наличие некоей «заповедной черты» между двумя уровнями языка (изрекаемом и неизрекаемом). «За ней прекращается прямое именование, но продолжают действовать другие языковые силы» [6, с. 18–19], «эвфемистически» знаменующие область неизреченного. Эта граница трактуется Гоготишвили как «несомненно более “низкая” в вертикально иерархических координатах ступени, нежели в имяславии, апофатизм которого “начинается” значительно “выше” — “за” тринитарной проблемой или во всяком случае “внутри” нее» [6, с. 19]. Можно заметить, что Иванов противопоставлен имяславии по критерию соотношения христианства и пантеизма, но вскользь сближен с Лосевым в интуиции двух уровней языка.

Из этой развилки разворачивается дальнейший анализ понимания символа и мифа, природы мистического опыта, по-разному мыслимого и референцируемого Ивановым и имяславцами (что ведет к финальному противопоставлению поэта и Булгакову (с его символом-именем), и Флоренскому (с его символом-образом)). Имеет смысл кратко изложить логику сюжета, предельно упрощая разветвленный ход мысли Гоготишвили.

Он разворачивается в трех аспектах: историко-сопоставительном, лингвистическом и онтологическом. Первый выявляет оригинальность ивановской концепции символа и мифа в соотношении с булгаковской версией имяславия, с одной стороны, и традиционным (в данном случае в лице Андрея Белого) сближением символа и метафоры — с другой. Основным материалом для анализа является высказывание Иванова о взаимосвязи символа и мифа, в котором обозначены все компоненты, необходимые для понимания «связки» символа и мифа, определяющей своеобразие ивановского мифологического символизма в целом:

Миф определяем мы как синтетическое суждение, где подлежащему символу придан глагольный предикат <...> Если символ обогащен глагольным сказуемым, он получил жизнь и движение: символизм превращается в мифотворчество. Истинный реалистический символизм, основанный на интуиции высших реальностей, обретает этот принцип жизни и движения

И даже те из нас, которые произносят имена, похожи на Колумба и его спутников, называвших Индией материк, что вот-вот выплывает из-за дальнего горизонта» [9, т. 2, с. 88].

(глагол символа или символ-глагол) в самой интуиции, как постижение динамического начала умопостигаемой сущности, как созерцание ее актуальной формы, или, что то же, как созерцание ее мировой действенности и ее мирового действия [9, т. 4, с. 437–438].

Логический анализ этого развернутого определения приводит к выявлению констант ивановской мысли: 1) субъект и предикат одинаково имеют символическую природу; 2) они равноправны, так как «раздельно “обретаются” в интуиции умопостигаемой сущности, то есть и логически, и с точки зрения языковой семантики они разведены»; 3) разведенные аналитически, «они как раз и могут быть синтетически соединены в мифологическом суждении» (откуда рождается приращение смысла и поэтическое «удивление»); 4) природа самой умопостигаемой сущности мыслится «и не символической, и не языковой — две последние дефиниции полностью отходят в непосредственное владение словесному мифу» [6, с. 31–33].

При этом выясняется, что корень разногласий Иванова с имяславием кроется в разном понимании природы «интуиции умопостигаемой сущности», т. е. априорности или апостериорности связи мистического переживания с языком. Имяславцы понимали эту связь как априорную, веря в возможность языкового (молитвенного) общения человека с Богом, Иванов же — как апостериорную: сначала до-языковое мистическое переживание (дионисийский экстаз), и лишь затем — проекция этого опыта на язык — через миф [6, с. 36].

При лингвистической интерпретации мифологического суждения Гоготишвили выводит языковой механизм, удовлетворяющий всем требованиям Иванова. Его символ не может самостоятельно указать на «действенность» «умопостигаемой сущности», без взаимосвязи с символическим глагольным предикатом он просто «не способен осуществлять полноценную референцию». Ею, следовательно, «обладают не изолированные символы и не символы в позиции субъекта суждения, а только символические фигуры речи в их целом, в пределе — мифы (или “мифоиды”)» [6, с. 51]. Отсюда вытекает (обратим внимание на ключевое слово!), что лингвистическая новизна смысла ивановской «заявки» на особый, неименной, способ референции состоит в «акте скрещения разных по источнику предикативных зон» [6, с. 52], антиномически сопряженных семантических

полярностей в символической фигуре речи, озаменовывающей «касание» двух миров. Здесь имеется в виду лингвистическая структура мифологического суждения, которое словесно фиксирует переживание мистического отождествления трансцендентного и имманентного (божественного и человеческого), т. е. является словесной (аполлонийской) обработкой дионисийского (процессуального) экстаза.

Лингвистическая формула мифологического суждения — взаимобратимость антиномичных субъекта и предиката, постулирование их равноправности, вопреки логическому и грамматическому их разведению — подтверждается всей дионисийской тематикой творчества Иванова. Она коррелирует со стремлением Иванова пробиться к архетипическим формам связи имманентного и трансцендентного, к словесным формулам пра-мифов.

Отсюда — вывод о том, что подлинным референтом символического высказывания у Иванова является «состояние сознания», аналогичное дионисийскому экстазу. «Психологическое по преимуществу», оно «беспредметно», лишено конкретного содержания, очищено от всех ложных представлений, порождаемых «косной материей языка» [6, с. 87]. Цель неименующих и необъективирующих символических конструкций — инсценировать в поэзии путь к этому состоянию, задействовав архетипические механизмы памяти («пра-памяти» в духе платоновского «познания как припоминания»). Таким образом, подлинным референтом ивановского символизма, по Гогтишвили, является не сам мистический опыт, а его языковая проекция: «Не язык укоренен в онтологии (в трансцендентной сущности), как обычно трактуется ивановская позиция, а миф и символические фигуры в определенном смысле укоренены в языке. Через эти символические фигуры и сам язык может прорываться в сферы высшего “реальнейшего” мира, что и составляет пафос ивановского символизма» [6, с. 80].

Антиномизм мифа (символической фигуры), согласно излагаемой интерпретации, и есть та заветная формула ивановского символизма, которая позволяет выявить все своеобразие поэзии Иванова, связав его лингвистические эксперименты с метафизическими представлениями. В антиномичных ивановских конструкциях, подчиняющихся «запрету» на объективацию референта (его именование), Гогтишвили видит радикальную языковую новацию, инициированную именно Ивановым. Поэт-теоретик сознательно экспериментировал с традиционной лексической антино-

микой, чтобы размыть, расшатать предметную контурность и образность [6, с. 65], затруднить восприятие смысла — и тем самым как бы «перезапустить» его, вывести на новый уровень понимания¹¹.

Продуктивность и обоснованность предикативной концепции символа у Вяч. Иванова, построенной на анализе языкового механизма его мифа, — настоящее переоткрытие его символизма, своего рода «бином Гоготишвили». Оно играет колоссальную роль для понимания его усложненной поэзии как самодоказательности теории и метафизических воззрений. Тем не менее вопрос о тотальности антиномизма в поэзии Иванова остается дискуссионным (на наш взгляд, он по-разному проявляется на различных этапах творчества поэта) и в этом смысле перспективным. Трудно отрицать, что предложенные лингвистические механизмы символического языка вполне адекватны религиозно-философским идеям исследователя дионисийского культа. Вспомним хотя бы знаменитые ивановские «Слоки», где с максимальной наглядностью раскрывается взаимообратимость «участников» мистического события. В заключительной части стихотворения, его референциальном пике, при символическом описании таинства отчетливо стираются различия между «субъектом» и «объектом» и все действие венчается безмолвием:

И тайного познай из действий силу:
Меч жреческий — Любовь; Любовь — убийство.
«Отколе жертва?» — ТЫ и Я — отколе?
Все — жрец и жертва. Все горит. Безмолвствуй [9, т. I, с. 744].

Вернувшись к исходной концептуальной схеме, можно увидеть в интерпретации Гоготишвили парадоксальную оценку ивановского понимания языка. С одной стороны, она утверждает, что, не вводя язык в сферу религиозного опыта (дионисийский экстаз имеет до-языковую природу), Иванов снижал его онтологический статус. С другой — безмерно повышал его возможности в сфере интуитивного (символического и мифологического) познания, целенаправленно оказывая сопротивление рационализму и навязываемым им формам мировосприятия. В силу «обратной зависимости»

¹¹ Многочисленные поэтические примеры этой стратегии приводятся в статье «Антиномический принцип поэзии Вяч. Иванова» [6].

между этими двумя факторами (статусом языка и его возможностями), Иванов, кажется, должен восприниматься как противопоставленный прежде всего Лосеву. Но в то же время, моделируя антиномизм Иванова, который «взрывал» язык изнутри самого же языка, демонстрируя его косность и поработанность семантическими химерами и символически указывая на онтологические антиномии, интерпретатор видит в нем параллели с философией языка Лосева.

Не случайно, заканчивая свою вторую и последнюю статью об Иванове, Гоготишвили перебрасывает концептуальный мостик к своей следующей работе о Лосеве. Иванов, сказано здесь, культивировал «не просто слепую (в чувственном смысле), но самоослепляющуюся, как Эдип, поэзию — поэзию, долженствующую очиститься и очистить от всеобщего греха неправого восприятия зрительно данных явлений и произвольного опредмечивания “бестелесного” и “незримого” мира, чтобы приблизиться, тем самым, к той умной (эйдетической) слепоте, которая одна истинно видит» [6, с. 136].

Антиномизм Иванова и Лосева

В нашем контексте особенно важна постулируемая телеология «неименного символизма», или — что то же — мифологического антиномизма Иванова. Цель его — выразить «факт тождественности в области символических референтов того, что в языковой феноменальности представлено не просто как раздельное, но как контрастно, антиномически раздельное» [6, с. 72–73].

Гоготишвили, таким образом, фиксирует в антиномизме Иванова ту радикальную лингвофилософскую (предикативную) новацию, которую подхватил и модифицировал Лосев. Упрощенно говоря, философ перенес структуру мифологического суждения на уровень априорной эйдетики, где миф осознавался диалектически в логике противоречий, а затем «ощупывался» логосом (логикой), способным зафиксировать чистый смысл в расчлененных понятиях и логических суждениях. У Иванова же созерцание сущности апостериорно воплощается в антиномичном мифологическом суждении, актуализируя ресурсы, тающиеся в глубинах естественного языка, и только поневоле, в силу «технической» необходимости выходя на уровень логической обработки запечатлеваемого феномена.

В этом свете следует, по-видимому, трактовать сформулированные Гоготишвили «запреты», которые, по ее гипотезе, вводили как Лосев, так и Иванов (каждый по-своему) в логическую процедуру обращения с мифом. Так, исследовательница замечает, что Лосев устанавливал в диалектике «запрет на глагольно-предикативное сочетание антонимов» и их отождествление на уровне эйдетики, но допускал его на уровне логики и естественного языка, что связано с запретом вводить в сферу вечного смысла категории времени [4, с. 695–696]. В параллельной же «ивановской» статье доказывается, что поэт-теоретик настаивал именно на глагольной предикации в мифологическом суждении, вводя при этом «запрет» не только на именование символического референта, но и на любые другие языковые способы его объективации, в том числе «запрет на объективацию (то есть свертывание в именную группу) самого предикативного акта» [6, с. 67].

Эти тонкие смысловоразличительные нюансы, вкупе со всем сказанным выше о Лосеве — его имяславческой в своем ядре философии имени, о двух онтологически разных языках, о его диалектически-логической изощренности, наконец, о его «понижении» статуса «меонального» естественного языка — сходятся в «Эйдетическом языке (реконструкции и интерпретации радикальной новации А.Ф. Лосева)».

Не имея возможности анализировать подробно эту работу, тем более что мы проследили, как последовательно Гоготишвили к ней шла, отметим итоговые для сопоставления ее интерпретаций моменты. Новизну лосевской концепции Гоготишвили видит в скрещении феноменологии Гуссерля, неокантианства, символизма и имяславия. О символизме прямо сказано, что Лосев брал его «в том виде, в каком он сформировался в версии Вяч. Иванова», «доведа его до “лингвофилософского” конца, и таким конечным пунктом было для Лосева имяславие» [6, с. 222–223].

Но что значит эта «доводка»? По всей видимости, Гоготишвили подразумевает здесь диалектическую логику (смысловое конструирование), свойственную Лосеву и принципиально отвергаемую Ивановым как «панлогику». «Неименной» символизм Иванова в таком ракурсе предстает как концептуальная вытяжка из его не вполне систематизированных теорий символа. Довести символизм «до “лингвофилософского” конца» в этих координатах — означает не смену религиозной установки (о своем христианском мировоззрении Иванов заявлял открыто), а прежде всего строго

категориальное осмысление интуитивного созерцания сущности (своего рода «умное делание», «трезвение»): выстроенное по законам логики противоречий, оно приводит к постулированию Первоимени.

Но все же между двумя символистами много общего. Главное — это важный для обоих приоритет «чистого смысла» и его непрямого (символического) выражения в сознании и языке. Кроме того, если наша трактовка верна, именно в антиномизме, входящем в самую сердцевину мифологического символизма Иванова и философии языка Лосева, в его эйдетическую синтактику (т. е. в миф), Гоготишвили обнаруживает фундаментальную общность между ними, на фоне которой заметнее своеобразие каждого.

Фиксируя различие между философом, феноменолого-диалектически конструирующим смысл на уровнях чистого сознания, и поэтом-теоретиком, которого интересовало главным образом «соотношение сознания с трансцендентным» [6, с. 253], Гоготишвили явно отдает предпочтение Лосеву. У Иванова — на первом плане интуиция и поэтическое «проникновение», «восхождение» человека и «нисхождение» художника, у Лосева же — детальное логико-диалектическое обоснование созерцаемых феноменов. Не случайно в статье об «эйдетическом языке» Лосева Гоготишвили пишет о том, что «без символической составляющей феноменология и неокантианство в конечном итоге в области языка, по Лосеву, бессильны, но <...> и символизм без неокантианства и феноменологии — тоже» [6, с. 223]. Последнее, по-видимому, имеет прямое отношение к Иванову.

Тут же кроется и разгадка того странного сближения Иванова и Хайдеггера на фоне оппозиции последнего Лосеву, которое часто встречается в ее работах. В «Эйдетическом языке» говорится, что «постгуссерлева феноменология фактически заменяет гуссерлево созерцание чистого смысла понимающим вглядыванием в языковую семантику естественного языка» [6, с. 343], нарушая установку на феноменологическую редукцию. Вспомним выводы статьи «Лосевская предикативная концепция», прямо связывающие символизм с проблемой «эйдетизации языка». В той же терминологии, сопоставляя философию языка Лосева и Хайдеггера как две близкие, но разнонаправленные теории, Гоготишвили пишет о «языковой радикализации эйдетики» у первого из них и «эйдетической радикализации естественного языка» — у второго [6, с. 340]. В антиномическом напряжении этих перекрестных определений — веер аргументов, от которых при-

ходится отвлечься. Заметим только, что принцип антиномизма, важный и для Иванова, и для Лосева, для самой исследовательницы — продуктивный метод мысли.

Вместе с тем в результате сопоставления «глубинных связей» между «учителем» и «учеником» Гоготишвили, определив «общую идею имяславия, символической феноменологии Лосева и Вяч. Иванова»: «смысл — это не *что*, а *как*» [6, с. 367], — объединяет своих «героев» в общем концептуальном поле «непрямого говорения». В своих высших поэтических формах семантика языка «самоаннигилируется, приносит себя в жертву выражаемому» смыслу [6, с. 274], в результате чего сущность «вещей» просвечивает и «дает о себе знать» — вопреки антилогистическим стратегиям Иванова и в соответствии с диалектической логикой у Лосева. «Прославляющая» поэзия Иванова («умереть — знай — жизнь благословить...») и лосевская концепция «эйдетического языка» в конце концов сообща противопоставляются Хайдеггеру по критерию «сознательной установки языковых высказываний на Абсолютное Ты» [6, с. 624].

Обсуждение оригинальных интерпретаций Гоготишвили — дело ближайшего будущего: без них будет далеко не полным восприятие таких масштабных феноменов отечественной культуры, как символизм и имяславие, и таких крупных его представителей, как Лосев и Вячеслав Иванов, противоречивая фигура которого стоит на перекрестке многих путей русской поэзии, философии, теоретической лингвистики и литературоведения.

Список литературы

- 1 Гоготишвили Л.А. Коммуникативная версия исихазма // Лосев А.Ф. Миф — Число — Сущность. М.: Мысль, 1994. С. 878–893.
- 2 Гоготишвили Л.А. Лосев, исихазм и платонизм // Лосев А.Ф. Имя. СПб.: Алетейя, 1997. С. 551–579.
- 3 Гоготишвили Л.А. Лингвистический аспект трех версий имяславия (Лосев, Булгаков, Флоренский) // Лосев А.Ф. Имя. СПб.: Алетейя, 1997. С. 580–614.
- 4 Гоготишвили Л.А. Лосевская концепция предикативности // Лосев А.Ф. Личность и Абсолют. М.: Мысль, 1999. С. 684–701.
- 5 Гоготишвили Л.А. Рецепция символизма в гуманитарных науках (лингвофилософский аспект) // Литературоведение как литература. М.: Языки славянских культур, Прогресс-традиция, 2004. С. 148–175.

- 6 Гоготшвили Л.А. Непрямое говорение. М.: Языки славянских культур, 2006. 720 с.
- 7 Гоготшвили Л.А. Вклад постсимволистов Лосева и Бахтина в теорию построения дискурса (принципиальные различия на фоне фундаментального сходства) // Филология: науч. исслед. 2014. № 4 (16). С. 354–368.
- 8 Гоготшвили Л.А. Номинативность и процессуальность в философии языка Павла Флоренского (именование и дискурс в обратной перспективе) // Vox: <http://vox-journal.org>. Вып. 21 (дек. 2016). С. 1–43.
- 9 Иванов Вяч.И. Собр. соч.: в 4 т. Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1971–1987.
- 10 Иоффе Д. Русская религиозная критика языка и проблема имяславия (о. Павел Флоренский, о. Сергей Булгаков, А.Ф. Лосев) // Критика и семиотика. 2007. Вып. 11. С. 109–172.
- 11 Лосев А.Ф. О типах грамматического предложения в связи с историей мышления // Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 280–407.
- 12 Лосев А.Ф. <О Вяч. Иванове> // Вячеслав Иванов: pro et contra: в 2 т. СПб.: РХГА, 2016. Т. 1. С. 719–735.
- 13 Тахо-Годи А.А. Вячеслав Иванов и некоторые факты из биографии А.Ф. Лосева // Вячеслав Иванов — творчество и судьба: к 135-летию со дня рождения. М.: Наука, 2002. С. 272–282.

References

- 1 Gogotishvili L.A. Kommunikativnaia versiia isikhazma [Communicative version of Hesychasm]. *Losev A.F. Mif – Chislo – Sushchnost'* [Myth – Number – Essence]. Moscow, Mysl' Publ., 1994, pp. 878–893. (In Russ.)
- 2 Gogotishvili L.A. Losev, isikhazm i platonizm [Losev, Hesychasm, and Platonism]. *Losev A.F. Imia* [Name]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 1997, pp. 551–579. (In Russ.)
- 3 Gogotishvili L.A. Lingvisticheskii aspekt trekh versii imiaslaviia (Losev, Bulgakov, Florenskii) [The linguistic aspect of the three versions of imyaslavia (Losev, Bulgakov, Florensky)]. *Losev A.F. Imia* [Name]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 1997, pp. 580–614. (In Russ.)
- 4 Gogotishvili L.A. Losevskaia kontseptsiiia predikativnosti [Losev's concept of predicativeness]. *Losev A.F. Lichnost' i Absoliut* [Personality and Absolute]. Moscow, Mysl' Publ., 1999, pp. 684–701. (In Russ.)
- 5 Gogotishvili L.A. Retseptsiiia simvolizma v gumanitarnykh naukakh (lingvofilosofskii aspekt) [The reception of symbolism in the humanities (linguo-philosophical aspect)]. *Literaturovedenie kak literatura* [Literary criticism as literature]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur, Progress-traditsiia Publ., 2004, pp. 148–175. (In Russ.)
- 6 Gogotishvili L.A. *Nepriamoe govorenie* [Indirect speaking]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2006. 720 p. (In Russ.)

- 7 Gogotishvili L.A. Vklad postsimvolistov Loseva i Bakhtina v teoriuu postroeniia diskursa (printsipial'nye razlichii na fone fundamental'nogo skhodstva) [The contribution of the postsymbolists Losev and Bakhtin to the theory of discourse construction (fundamental differences against the background of fundamental similarity)]. *Filologiya: nauch. issled.*, 2014, no 4 (16), pp. 354–368. (In Russ.)
- 8 Gogotishvili L.A. Nominativnost' i protsessual'nost' v filosofii iazyka Pavla Florenskogo (imenovanie i diskurs v obratnoi perspektive) [Nominativity and procedurality in the philosophy of Pavel Florensky's language (naming and discourse in the reverse perspective)]. *Vox: <http://vox-journal.org>*. Issue 21 (December 2016), pp. 1–43. (In Russ.)
- 9 Ivanov Viach.I. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols.] Briussel', Foyer oriental chrétien Publ., 1971–1987. (In Russ.)
- 10 Ioffe D. Russkaia religioznaia kritika iazyka i problema imiaslaviia (o. Pavel Florenskii, o. Sergii Bulgakov, A.F. Losev) [Russian religious criticism of the language and the problem of imiaslavie (F. Pavel Florensky, F. Sergiy Bulgakov, A.F. Losev)]. *Kritika i semiotika*, 2007, issue 11, pp. 109–172. (In Russ.)
- 11 Losev A.F. O tipakh grammaticheskogo predlozheniia v sviazi s istoriei myshleniia [On the types of grammatical sentences in connection with the history of thought]. *Losev A.F. Znak. Simvol. Mif. Trudy po iazykoznaniiu* [Sign. Symbol. Myth. Works on linguistics]. Moscow, Izd-vo MGU Publ., 1982, pp. 280–407. (In Russ.)
- 12 Losev A.F. <O Viach. Ivanove> [<O Vyach. Ivanove>]. Viacheslav Ivanov: pro et contra: v 2 t. [Vyacheslav Ivanov: pro et contra: in 2 vols.]. St. Petersburg, RKhGA Publ., 2016, vol. 1, pp. 719–735. (In Russ.)
- 13 Takho-Godi A.A. Viacheslav Ivanov i nekotorye fakty iz biografii A.F. Loseva [Vyacheslav Ivanov and some facts from the biography of A.F. Losev]. *Viacheslav Ivanov — tvorchestvo i sud'ba: k 135-letiiu so dnia rozhdeniia* [Vyacheslav Ivanov — work and life: to the 135th anniversary of his birth]. Moscow, Nauka Publ., 2002, pp. 272–282. (In Russ.)